

Вселяясь в горлышко птичье

«БАЛТИЙСКИЙ ДОМ» ПРИЕХАЛ В МОСКВУ

Питерский фестиваль «Балтийский дом», проходящий в одноименном театре, вызывает сильную зависть московских театралов: ему всегда удастся заполучить что-нибудь новенькое от Эймунтаса Някросюса. В этом году «Балтдом» гостит в Москве, привезя в постановке культового режиссера диптих «Времена года» Донелайтиса. «Радости весны» и «Благо осени». *Воскресенье - 2003*

■ Ольга ФУКС - 28 нояб.

Някросюс поставил спектакль о времени, чей бег заметнее всего весной, которая дарит радость обновления, и осенью, когда приходит пора собирать урожай, играть свадьбы и жить обильно и щедро. Об умении чувствовать вкус самых обыденных вещей: тяжелой будничной работы, оладий с вареньем, детских шалостей, первого весеннего грома. О первом замерзшем насмерть соловье, который не утерпел, объявился в саду ранней весны, смутил всех своей нежной трелью и умер, задохнувшись от счастья. О таинстве рождения. О непостижимости мира, чье устройство разумно, чьи катаклизмы и беды объяснимы первородным грехом человека. Но это вовсе не означает, что однажды ты не замрешь перед ним в изумлении.

Поэму «Времена года» родоначальника литовской литературы Кристионаса Донелайтиса перевел почти гомеровской строфой Иосиф Бродский, сделав ее дос-

тоянием литературы русской — «Ветры ласково гладят ладонями теплыми поле. Каждую травку зовут воскреснуть из мертвых». Красочные картины пробуждающейся или засыпающей в мерзлом осеннем сне, абсолютно одушевленной природы, крестьянского труда, радостного долга быть счастливым, долга перед Творцом, даровавшим жизнь, вызывают у Някросюса самые неожиданные и порой отнюдь не безоблачные ассоциации.

«Аист явился из странствий с гурьбой веселый соседей» — и толпа хуторян жестоко травит, щиплет и клюет случайно забеременевшую приبلудную дурнушку. «Хватит скульпты! Всегда кричишь об одной неостаче» — и отец семейства (тот, который по определению самый мудрый, добрый и сильный) спасает утопленника-неудачника, который, видите ли, устал жить. А «воскресший» избивает до полусмерти своего спасителя — мол, отстань от меня со своей верой в разумное мироустройство. «Он живой пример великой силы Гос-

ФОТО ВИКТОРА СЕНЦОВА

Вот такие «Радости весны»

подней, Той, что творит чудеса, вселяясь в горлышко птичье» — и отец (Творец?), пролетая над сценой на веревочных качелях и выкладывая на лету кирпичи, медленно, камень за камнем возводит стену своего дома — своего долга, своей судьбы.

С фантазией демиурга Някросюс творит свой мир из доступных театру средств: молнии — из веревок, которые хлыстом щелкают по сцене, дымок паровоза — из сигаретного дыма, пущенного в трубу, каток — из доски, положенной на два валика... В его театре возможно все: даже исполнить на духовых инструментах неугомонный птичий щебет в расцветающем лесу, даже сыг-

рать на сцене (так, чтобы чувствовалось в зале) свежий, еще холодный, но уже пахнущий весной ветер.

По гамбургскому счету самого Някросюса, «Времена года» не назовешь великим спектаклем. Но в нем есть насущная простота черного хлеба и нежность к своей хуторской родине, ее ароматам, вековым традициями и врожденной одаренности к искусствам. Есть мудрость человека, который находится на вершине жизни, откуда, кажется, виден весь мир и в нем — собственный путь до финала. И та необъяснимая, Богом дарованная гармония, которая делает спектакли Някросюса почти музыкой.